

Евгений КОРОБЧЕНКО

Красноярск

Евгений Васильевич Коробченко родился в 1941 году в городе Лиски Воронежской области, в семье железнодорожника. В 1949 году пошёл в железнодорожную школу № 9, в 1956 году окончил 7 классов и поступил в Россошанское медицинское училище Воронежской области. По специальности фельдшер. Работал в Тюмени, в областном тубдиспансере. Служил в рядах Советской Армии. Учился в Красноярском государственном медицинском институте, одновременно работал в больнице неотложной хирургии рентген-лаборантом. В 1970 году распределён на работу в Красноярский краевой противотуберкулёзный диспансер. С 1971 по 1986 год работал врачом-рентгенологом в поликлинике КраЗа. В 1986 — 1991 годах — фотограф крайфотообъединения. С 1991 года — пенсионер и предприниматель (оказывал фотоуслуги населению по 2014 год). Публиковался в журнале «Первая краевая» (журнал Красноярской краевой больницы), в альманахах «Новый Енисейский литератор», «Петровская слобода» Лискинского краеведческого музея Воронежской области, в газете «Красноярский рабочий».

ДЕТИ ВОЙНЫ

Продолжение. Начало в «НЕЛ» №№ 5/2021, 1 — 5/2022, 1 — 3/2023

*Солнце кухню заливает,
Разгоняет нам тоску.
Жёнка, в ванной умываясь,
Поздоровалась: «Ку-ку!»
И улыбкой лучезарной
Одарила старика:
«Очень рада убедиться —
Жив супружник мой пока!»
Кашу хлопьев «Геркулеса»
Утром надобно мешать,
Но «житуху» молодую
Продолжаю вспоминать...*

*Характером с женою
Мы первой «не сошлись»,
Хотя и говорила:
«Приехала на жизнь».*

Ревнивая такая,
Готовить не могла
И не было, конечно,
Тогда у нас «угла».
В бревенчатой «общаге»
С девчонками жила,
Когда меня нелёгкая
Со службы принесла.
На чердаке прописан
(Знаком мне паспортист),
И в трудовой заполнен
Мне новый первый лист.
Теперь зовусь «шофёром»
Отныне навсегда
(Хотя был раньше «фельдшер» —
Такая ерунда).
Вторую трудовую
Пока убрал в карман,
Машину-развалюху
Тогда мне дал «Демьян»

С родителями (шофёр руководителя полётов Красноярского
аэропорта). Красноярск, ноябрь 1963 года

[Сергей Николаевич Демьяненко —
начальник автобазы аэропорта].

Ломался постоянно

«Уазик» на ходу,

Наверно, он был создан

Шофёру на беду...

Работал в первой смене,

Учиться убегал,

Авто ещё две смены

Начальник разбивал

[руководитель полётов — РП]:

То в яму где-то ухнет,

Рессоре на беду,

То «заднюю» вдруг включит

В «коробке» на ходу...

Из отпуска вернулись

Погруженьки её,

Начальству доложили:

«С женатым — не житьё».

Пришлось из общежития

Куда-то уходить,

Снабженец автобазы

Решил нас приютить.

Имел с женой в Покровке

Хороший частный дом,

Но было нам неловко

С его женой потом:

«Вас видеть я в мундире

Без боли не могу,

Скорей его снимите,

Иначе — побегу!»

Такое поведение

Хозяин объяснил:

«Сынка на службе кто-то

На стрельбище убил».

А вечером, напившись,

Супругу он гонял:

**Стюардесса Л. И. Коробченко.
Красноярск, 1963 год**

*«Родить ты не хотела!» —
Всю ночь её «шпынял».
Они жестоко бились
(И чайником при том,
Швыряли чем попало
И даже — утюгом!).
Мы в комнате грожали
От страха до утра:
Дверей входных там нету,
Лишь есть проём-дыра.
Недолго там прожили
Мы в этой кутерьме,
Нашёл тогда времянку,
Пригодную к зиме.
Хозяин — гед безногий —
Нас жить туда пустил
С условием, чтоб после
Ему я «САЗ» чинил
[мотоколяску
Сормовского автозавода].
А бабушка сказала:
«Коль дорого платить,*

Вы можете кого-то
Ещё к себе пустить».
Водителя санчасти
С женой я пригласил,
Он тоже горе мыкал,
Бездомным тоже был.
Мы выпили по стопке,
Угачу чтоб «обмыть»,
Но дедушка безногий
За друга стал бранить.
Назавтра друг уехал,
А мы остались жить,
Пришлось мне ползарплаты
За то «жильё» платить.
Мы зиму продержались
(Там надо печь топить),
Жена уже на сносях —
Пришлось жильё просить.
Ответил благосклонно
Начальник Броверман,
И вскоре в общежитии
Семейном «угол» ган.
Мы с ордером явились
В жильё на этаже —
Без ордера заняли
Ту комнату уже!
Пришлось тогда, конечно,
Законный «хай» поднять
И наглого «захватчика»
С «общаги» выгонять.
«Общага» та семейная
Кирпичною была,
В морозы промерзала —
Ей надо бы тепла...
А рядом — кочегарка
Топила жарко печь,
К объектам порта «Старого»

Тепло должно бы течь...
Диспетчерская служба [АДС]
Ещё тепло брала,
А рядом в тёплом боксе
Работа мне была.
Там в гараже невзрачном
«Уазик» мой стоял,
Его я в автобазе
До огури латал.
Служил он службу верно,
Всегда был на ходу.
Своей любовью к технике
Предотвратил беду:
Однажды поле лётное
На нём пересекал,
С грунтовки лайнер «Дуглас»
В разбеге уж взлетал.
Его заметил, к счастью,
Тогда я вдалеке,
И сохранились силы
Ещё в моей руке.
Движеньем чётким, быстрым
Я заднюю «воткнул»,
Мотором безупречным
Я резко «газанул».
Отпрыгнул, словно мячик,
У лайнера с пути.
Кричал, конечно, лётчик,
Куда бы мне пойти...
Но я того не слышал,
Наверно, побледнел
И, клацая зубами,
Минуты две сидел...
Представил, что бы было,
Коль под винты попал:
Меня бы изрубило,
А лайнер бы — взорвал...

**С первенцем Андреем.
Красноярск, ноябрь 1964 года**

*Сынок родился вскоре —
Андреем нарекли,
Родительское счастье
Тогда приобрели.
Три месяца кормила
Сыночка грудью мать,
Просил соседку Лиду
[Лидию Григорьевну Власову,
медсестру детского отделения
краевой больницы № 1]
Сыночка выручать.
Она имела дочку,
«Молочная» была
И молока избытки
Андрюшке отдала.
Их дочке Агелине
Отдал своё тепло,
Когда осиротела —
Ей крупно не везло:
Ушла из жизни мама,
Ушёл и папа вслед,*

**Аделина Власова. Общежитие № 2 «старого» аэропорта.
Красноярск, 60-е годы**

*Да родила мальчонку, —
Как вырваться из бег?
Тогда мы с тётёй Дусей
На помощь ей пришли
И подержать сиротку
В то времечко смогли.
Теперь парнишка вырос,
У них — своё житьё,
Проснулась нетерпимость
В характере её.
Старел я, стал не нужен,
И вот настали дни —
Вдруг SMS отправила:
«Ты больше не звони».*

*«Общага» порта «Старого»...
Здесь жил простой народ,
Все были работающие,
А не какой-то сброд.*

*Здесь были стюардессы,
Стюарды, «технари»,
Их голою рукою,
Пожалуй, не бери.*

*К примеру, техник Власов,
По имени Иван,
Имел «похвальных грамот»,
Наверно, чемодан.
Моторов самолётных
Ванюшка — царь и бог,
Зимой заиндевший
Являлся на порог.
Мы крепко с ним грузили,
Охота нас свела.
Однажды на Кубеково
Дорога наша шла.*

**Иван Петрович Власов, авиатехник Красноярского аэропорта.
Общежитие № 2. Красноярск, 70-е годы**

Открытие охоты
Там надо нам встречать,
А время поджимало,
Пришлось «Москвич» мне гнать.
Взлетел «Москвич» на кочке,
Ударился об рельс,
На этом и закончился
Охотничий наш рейс.
Стоим за переездом,
На рельсе гнём металл
Тут двое к нам подходят,
Один из них сказал:
«Какого хрена, Витька,
Патронов ты не взял?
Я б нынче много уток
В протоках настрелял!»
Куражится напарник:
«А ты в меня стреляй,
Коль я, как ты считаешь,
Сегодня — негодяй!»
Рванул свою рубаху,
Подставил другу грудь,
Пришлось тогда двустволку
У пьяницы рвануть.
Нажал курки — о Боже! —
Вдруг выстрел прогремел,
Пьянчужка этот горький
Мгновенно протрезвел:
«Ты что, меня вправду
Прицелился убить?!» —
И стали они гратся,
Друг друга молотить...
Иван сказал: «Ребята,
Давайте дружно жить,
Вы можете с домкрата
Машину нам свалить.
Подальше отойдите

И бейтесь до утра.
Машину мы собрали,
И ехать нам пора».
Дрожащею рукою
Завёл тогда мотор,
Тот случай с согроганьем
Я помню до сих пор.
Всю ночь мы возвращались,
Пружины слева — нет!
(В подвеску я засунул
Бетонный тетраэдр.)
Пришлось мне у диспетчера
[Ивана Дмитриевича Тяпкина]
Запчасти покупать,
Ведь надо мне исправной
Машину возвращать.

Зимой однажды с Ваней
Охотничать пошли,
Завёз электропоезд
В мороз на край земли.
На лыжах по сугробам
Залезли в бурелом.
Упал, но не случился
Со мною перелом.
Разбил лишь термос чая,
И нечего нам пить...
Иван, проголодавшись,
Вдруг хлеба стал просить:
«Ты помнишь — ем я белый,
Но тут, наверно, край,
Совсем уж обессилел —
Хоть чёрненького дай!»
Краюху «умололи» —
Повеселела жизнь,
За пряник «Комсомольский»
Отважно принялись.

Но пряник на морозе
Застыл, на горе нам,
Куснул я с «голодухи» —
Зуб лопнул пополам!
Коронку зуба пятого
«Зубник» мне «залепил»
[Евгения Борисовна Прейсман],
Однако вскоре в отпуске
Тот зуб я удалил:
Рыбачили мы с братом,
В воде весь день стоял,
А ночью зубик пятый
«Весёлой жизни» гал.
В «зубатом» кабинете
Собрался весь народ:
Кто голову мне держит,
Кто расширяет рот.
А доктор-стоматолог
Стучит по долоту:
Коль руки б не держали —
Сбежал бы за версту.
Вот корень элеватором
Из лунки удалён,
Гной брызнул из-под корня —
Готово, я спасён!
Вернулись мы с охоты,
Но суп не ест Иван,
Жене он заявляет:
«Я — истинный гурман!
Неси скорей варенье,
Его я буду есть,
И хлеба дай побольше,
Кусочков пять иль шесть».
Мужчина крупный Власов,
Не Юрий хоть — Иван
[чемпион мира по
тяжёлой атлетике],

Варенье он на кухне
Сметал, как ураган.
Потом чего-то выпил,
Газеты стал читать,
А Лидия, супруга,
Взялась его «шпынять»:
«Мышей уже не ловишь,
А как нам дальше жить?»
И стала на кусочки
Газеты рвать-крошить.
Поднял Ванюшка с пола
Обрывки тех газет,
Их на столе расправил —
И горя ему нет.
Глаза осоловевшие,
Улыбка во весь рот,
А голова не держится,
На стол вот упадёт.
Лишь только Ваня «клюнул»,
Жена рванула к нам
И быстро «настучала»
Ванюшке «по мозгам».

**Помню Власова Ивана
как любителя баяна...**

Потом она проворно
Сбежала в коридор —
Картинку ту забавную
Я помню до сих пор.

Мы вдругорядь охотились
С Ванюшкой у села,
Бабусенька с грибочками
Навстречу Ване шла.
«А где у вас тетёрки?»
«Да знамо где, милоч:
В тайгу, туда, шагайте,
Идите в тот лесок.
Вчерась ходил Петрушка
В гремучую тайгу
Да настрелял „пеструшек“ —
Очистить не могу!»
[Девять штук.]
Мы с радостью шагнули
В гремучий этот лес,
Вдруг что-то промелькнуло:
На дерево кто лез?
Ружьё я быстро вскинул
Да выстрелил, «гундук»! —
Под ноги полосатый
Свалился бурундук...
«Зачем же ты угробил
Красивого зверька?»
«Да сам того не знаю,
Не понял я пока...»
За тот ущерб Природе
Всевышний наказал
И ни одной «пеструшки»
В наш адрес не послал.

Поехал без Ивана
Охотничать в тот раз —

Об этом вам поведаёт
Коротенький рассказ.
Сошёл на Бадаложной
И по лесу иду,
Курки своей двустволки
Уж взвёл я на беду.
Болотце небольшое
Попалось на пути,
Его бы надо было
Сторонкой обойти...
Но я ружьё закинул
Легонько за плечо,
От рюкзака тяжёлого
Спине уж горячо.
И «двинул» напрямую —
Чего в тайге блудить?
Да позабыл для верности
Двустволку разрядить.
По кочкам ловко прыгал,
Всем комарам назло,
Случайный выстрел грянул —
Мне крупно повезло!

**Охотничьей тропею. Берёзовый сок.
Станция Бадаложная, 80-е годы**

От выстрела шального
Лишь в голове звенит,
Но не был тогда ранен,
Тем более — убит!
Присел я на полянке,
Однако, на пенёк
И вместо валерьянки
Пью сладенький чаёк.
Дрожат от страха руки,
В ушах ещё звенит,
И ноги будто ватные,
Пог ложечкой тошнит...
Но вскоре успокоился,
Путь надо продолжать.
Теперь, конечно, буду
Ружьишко разряжать.
Дорога деревенская
Змеится по горе,
Забрался на вершину
По утренней заре.
По компасу проверил,
Где солнышка восход,
Транссиб засёк на западе
И где ручей течёт...
Свернул в густой осинник,
Почуяв сердца клич,
Вдруг громкий треск раздался —
Взлетел «Иван Кузьмич»!
Глухарь, наверно, с ночи
В осиннике сидел,
Когда я приближался,
Он с шумом и взлетел.
На чёрную фуфайку
Похож издалика,
Но ближе подобраться
Не смог к нему пока.
Засёк я направление

И следом пошагал,
С горы — в ложбину, в гору
Глухарь меня мотал.
Вот вечер наступает,
А дичь я не добыл,
Тогда уж для ночёвки
Бивак себе разбил.
Свалил рюкзак на землю
У горного ручья,
С ружьишком и патронами
Проверил: речка чья?
Ступаю осторожно,
Как повелось встарь,
На фоне неба в сумерках
Замечен был глухарь!
Возможно, умотался
И он за этот день,
Водички здесь напился
(Меня накрыла тень).
Теперь сидит на ветке,
Готовится ко сну,
Но, на его несчастье,
Заметил я сосну...
Рвануло ярко пламя,
Как гром тот выстрел был,
Глухарь свалился с ветки —
Я дичь себе добыл!
Но радоваться рано:
Придётся ночевать,
И как бы зверю дикому
Добычею не стать.
Костёр пылает жаркий,
Дровишек натаскал
И вместо прогоревших
В костёр всю ночь бросал.
Набрал воды студёной
В солдатский котелок

И с чаем уминаю
Охотничий паёк.
Залил и в термос чая,
И в фляжку — про запас,
Краюху хлеба с салом
Оставил на припас.
В стволы заправил пулю
И крупную картечь —
Пришлось мне до рассвета
Костёр тогда стеречь.
Скрипели сосны глухо
О чём-то о своём,
И становилось жутко
(Здесь надо быть вдвоём).
Приплясывали тени
От жаркого костра,
А кажется, что бродит
Здесь кто-то до утра.
То в чаще вдруг раздастся
Какой-то шорох, треск,
И кажется, что кто-то
Той чащею пролез.
Однако ночь глухая
Раздвинулась чуток,
И где-то над горою
Алеет уж восток.
Туман пришёл в распадок,
Где нынче ночевал,
Всё сразу отсырело,
Что от костра убрал.
Да и костёр лишь тлеет,
Дымится он едва,
И от бессонной ночи
Клонится голова.
Над Власовым Иваном
Задумал подшутить,
Пришлось патрон истратить

И сойку подстрелить.
Тогда на общей кухне
Устроил балаган:
Вот в кухоньку заходит
Из комнаты Иван...
Глухарь на табуретке
Фуфайкою накрыт,
А сверху на фуфайке —
Пичуга та лежит.
«И стоило ли, Женька,
В тайге два дня бродить,
Чтоб птичку-невеличку
В итоге подстрелить?»
Берёт за крылья сойку,
Усы полезли вверх —
Со смехом обсуждает
Охотничий «успех».
Смеются в кухне жёнки,
До хохота идёт,
Тогда движеньем ловким
Я сделал поворот:
Фуфайку убираю —
Все видят глухаря,
Тут жёнки загалдели:
«Охотился не зря!»
У Вани побледневшего
Усы полезли вниз:
«Ты, Женька, не ругайся,
На шутки не сердись!»
Уехал вскоре Ваня —
Квартиру получил,
Но жизнь семьи приятеля
Я после проследил:
Дочурка у Ванюши
Отчаянной росла,
По простыням в окошко
Из дому уграла.

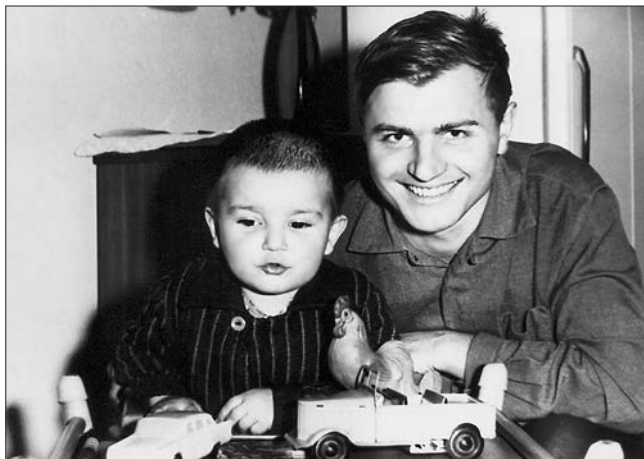
Чем попадя лупила
«Маман» оторву-гочь,
Хотя она вопила —
Никто не шёл помочь.
На музыку водили
Дочурку много лет,
Родителям гоставила
Их «гоча» много бег.
«Кого мы воспитали?» —
Задал вопрос отец.
Но стала педагогом
Их «гоча» наконец.
«Сгорела на работе»
У дочки вскоре мать
(Деньжата «заколпачивала» —
Дочурку «поднимать»)
Ушёл из жизни папа
За мамою вослед,
Едва лишь «распечатав»
Седьмой десяток лет.
Но «гоча» не привыкла
Поголгу горевать:
«Мы родственников будем
Здесь сами создавать».
И через год сыночка
Себе произвела,
А в школе — песни пела
(Учителем была).
До пенсии «гопела»,
Сын в армию попал,
Общаться не хотела,
И след семьи пропал.

Наведался на лыжах
Я в те края зимой,
Опять глухарь подстрелен —
Везу его домой!

А зимний день короток,
Скрываться он мастак,
Но я его заметил,
А дело было так:
Глухарь перед ночёвкой
Оглянется вокруг,
Никто не потревожит —
В сугроб он сверху — бух!
Снега в тайге глубокие,
Под ними роет ход,
Потом головку выставит
И дырочку пробьёт.
Устроит на полянке
Комфортный он ночлег,
От ветра и мороза
Спасает птицу снег.
А утром на кормёжку
Взлетит, ломая снег,
Но чётко отпечатает
Он крыльями разбег.
Входную ту воронку
Заметил далеко,
Но тихо подобраться
К той лёжке нелегко:
Под лыжами предательски
Поскрипывает снег —
От шага осторожного
Зависит здесь успех.
Ружьишко наготове,
Курки уж взведены,
Подкрадываюсь тихо,
Глухарь всё видит сны...
Но вдруг фонтаном белым
Снега разметены,
Глухарь взлетает с шумом
У ближней той сосны.
Ещё одна секунда —

Он точно бы удрал,
Но меткий выстрел грянул —
И в снег глухарь упал!
Добычу поднимаю,
На кустик распластал,
За пазухой прогретый
Тут аппарат достал.
Ружьё к кусту с добычей
В сугробе прислонял
И кадры для потомков
Уж в сумерках заснял.
Последней электричкой
Добрался я домой
И больше не охотился
Прошедшею зимой.

Потом на Бадаложную
Возил я сыновей,
Но больше не встречали
В том месте глухарей.
Зато ходили по лесу
И грелись у костра —
Ведь стать им следопытами,
Мужчинами пора.
И навыки охотничьи
Однажды нас спасли,
Когда на Водоразделе
В тайгу мы забрели.
Сынок со мною средний,
Что звался Константин,
Впервые пятилетним
В тайге со мной «бродил».
С комфортом разместился
Тогда он в рюкзаке
(Работал я в Дзержинском,
От дома вдалеке:
С женою разошёлся,

С сыном Андреем. Красноярск, 1967 год

*Мне отдан по суду,
Теперь с собой таскаю,
Куда бы ни пойду).
Ворчали воспитатели:
«Ваш сын опять не спал,
Бродил он рядом с лагерем —
Следы всё изучал».
Сынку тогда исполнилось
Наверно, десять лет,
Мы едем на охоту
В малиновый рассвет.
В вагоне электрички
Струится разговор:
«Тут дядя мой „шишкарит“,
Наверно, с давних пор».
Попутчик наш цивилизный
Тайги не знал вообще,
Одет по-городскому —
В болоньевом плаще.
«Вот еду я за дядей
В бригаду „шишкарей“,*

**На охоте с сыном Костей.
Платформа Водораздел, сентябрь 1979 года**

*Скончался он „от сердца“,
Забрать бы поскорей...»
Выходим на платформе,
Ушёл приятель в лес,
А я привал устроил
И за ружьём полез.
Патроны с мелкой гробью
В стволы я зарядил,
Консервы с хлебом ели,
Потом чайку попил.
Вдруг слышу хруст валежника
Совсем невдалеке —
Подумал, что вернулся
Попутчик налегке.
Окликнул: «Кто здесь бродит?
Ответьте мне! Эгей!»
(Совсем не ожидал я
Увидеть здесь зверей.)
Вдруг увидал: в чащобе
Стоит в кустах медведь, —
Тут как бы от испугу
И мне не зареветь...*

Ружьё тогда мгновенно
Нагвое разломил,
Патроны гробовые
На пули заменил.
Но сытым оказался
Сентябрьский тот медведь,
От нас в тайгу погался,
Не тронул нас медведь...
А вскоре нам попалась
Ватага «шишкарей»:
«Из лесу выходите
К платформе поскорей!
Медведь здесь где-то бродит,
К нам „в гости“ приходил».
(С ватагою попутчик
Вагонный тоже был.)
«А как же тело гяди?»
«Да вынесли вчера,
Напрасно я сегодня
В тайге шагал с утра».
Шагаем дальше с сыном
В тайгу мы по тропе —
Он делится приметам,
Заметил что уже:
«Коряжину-мочажину
Мы слева обошли,
А пачку сигаретную —
За тем пеньком нашли».
Хвалю за зоркость сына:
«Дорогу примечай
И место то запомни,
Где нынче пили чай».
Отрадная картина —
Те кедрачи в ряду,
Для грусти есть причина —
Я шишек не найду!
Здесь славно потрудилась

**На охоте с сыном Андреем.
Станция Бадаложная, 80-е годы**

*Бригада «шишкарей»,
Они почти все шишки
Собрали поскорей.
Лишь шелуха от шишек
Под деревом лежит
Огромным муравейником,
Таёжный портит вид.*

*В годах семидесятых
Однажды «шишкарил»,
Завёз в тайгу глухую
Нас трёхмостовый ЗИЛ.
С ружьём тогда оставили
У ЗИЛа старика,
Втроём тогда отправились
За шишками пока.
Старшой наладил «барец»,
Приставили к стволу,*

*Раскачивая «колот»,
Им били по стволу.
И шишки начинали
Дождём в ветвях шуршать,
А нам лишь оставалось
С земли их подобрать.
Уж три мешка набрали,
Пора идти домой,
Да в чаще заплутали —
Ах, Божечко ты мой!
Мы спорили до хрипа,
Переходя на крик,
Но выстрелил в пятнадцать
УЗИЛа наш старик.
Совсем не в той сторонке
Сигнал тот прозвучал,
В какую голос звонкий
Мне друга указал.
А мы шагаем с сыном,
Уж кончился кедрач,*

**На привале. Сыновья Андрей и Костя.
Станция Бадаложная, 80-е годы**

А шишек не попало —
Теперь хоть в голос плачь.
Вдруг встретил на опушке
Могучий кедр один,
Весь шишками усыпан
Тот старый исполин.
А рядом с исполином —
Там сосенка одна,
Она к нему прижалась,
Как верная жена.
«Ну вот, сынок, притопали,
Устроим тут бивак.
Пока что помоги мне
Тяжёлый снять рюкзак».
«А как ты, папа, с кедра
Здесь шишку будешь брать?»
«Придётся по сосёнке
На кедр мне залезать!»
Костёрчик разложили,
Балуемся чайком,

Вода для чая.
Станция Бадаложная, 80-е годы

Волицы раздобыли
Солдатским котелком.
А рисовая каша
С тушённой пополам
За тяжкие мытарства
Была наградой нам.
Отлично отобегав,
На сосенку полез —
В то время молодое
В меня «вселился бес».
Поднялся по стволу я
Уже на метра три,
Да Бог шепнул на ушко:
«На землю посмотри!»
Увидел: корни мощные
Змеются по земле,
Нечаянно сорвёшься —
Придёт «хана» тебе.
Сынуля-малолетка
В тайге здесь пропадёт...
От шишек отказался
И сделал разворот.
Спустился с той сосёнки,
А шишки чтоб достать,
Придумал из ружьишка
По шишкам пострелять.
Патронов было много,
По шишкам всё стрелял,
А сын за каждым залпом
Две шишки поднимал.
На выстрелы шальные
Явились люди к нам —
Два мужика блудили
Здесь сутки по горам.
«Мы спасены, вас встретив,
Уж выбились из сил...»
Я накормил их кашей

И чаем угостил.
Идём на электричку,
Дождь залил наш огонь.
С ружьём шагаю первым:
Медведь, ты нас не тронь!
Стволом отвёл я ветку,
Что мокрая была,
Вдруг в правый глаз ударила
Той сосенки игла!
Присел от боли дикой
(Ведь глаз я не закрыл):
«Ты нас, сынок, веди-ка,
Мне белый свет не мил...»
Глаза зажмурил крепко
(Нельзя на свет смотреть,
Могу лишь левым глазом
Приметы осмотреть).
«Мочажину-коряжину
Мы только что прошли,
Вот пачка сигаретная, —
Погал мне сын с земли. —
А здесь мы чай попили,
Ты здесь тогда сидел,
Когда медведь огромный
Из тех кустов глядел».
Вот так тогда нас вывел
Сынишка в десять лет,
Дай Бог ему здоровья —
Избавил нас от бег!

21 июня — 10 июля 2022

Продолжение следует